Вступительная статья С.Н. Лютовой к книге
Орис Б. Тубу: рассказ / Б. Орис (Борис Петрович Марков). – М.: Международные отношения, 2013. – 24 с.

Об авторе

За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет.
/М. Цветаева/

Весной 1913 года, ровно 100 лет назад, молодой журналист Борис Марков предложил рассказ с таинственным названием «Тубу» в петербургский литературный журнал. Владимир Нарбут, поэт-акмеист, в то время издатель и редактор «Нового журнала для всех», рассказ принял. Он вышел в майском номере за подписью «Б. Орис»[1].

Это рассказ-приключение, – о том, как двое охотников заблудились в прибайкальской тайге. Он о смелости и малодушии, о верности и предательстве, об одиночестве и дружбе, об идеалах юности и об утрате их, о том, как сострадание к другому способно вернуть волю к жизни. О том, что из тупика всегда есть *ещё один* выход!

Но для меня это также рассказ о самом его авторе, о Борисе Петровиче Маркове (1888–1945), моём прадеде. Любопытно читать между строк в ясном, прозрачном тексте (написанном в стиле реализма, «немодном» на пике модерна), угадывать за вымыслом черты характера, мечты, пристрастия неведомого предка, воображать, что связывало его с прототипом героя.

И всё же это не автобиографический текст: никогда не был Борис Марков в сибирской ссылке, хоть и готовился, наверное, однажды «пострадать за правду». Юношей он переехал с семьёй в Саратов из города Лодзь Царства Польского (тогда часть Российской Империи), где провёл детство, – отец Бориса, Пётр Марков, много лет служил там и завершил карьеру в чине надворного советника. Революционные, анархические настроения бурлили в Польше в канун Первой русской революции, и не одни поляки были пропитаны духом либерализма. Не удивительно, что Борис, с его сочувствием ко всем бедным и обездоленным (к крестьянам… из стихов любимого Некрасова), горел желанием искоренить всяческую несправедливость! Он рисовал немного, немного писал стихи, однако главным оружием своим выбрал перо фельетониста.

---

[1] Б. Орис. Тубу // Новый журнал для всех. – СПб., 1913. – Май. – № 5. – С. 46–58.
Принадлежность псевдонима «Б. Орис» Борису Петровичу Маркову, саратовскому журналисту, подтверждается И.Ф. Масановым в его «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» (в 4-х т. – М., 1956–1960).

По-видимому, ещё в Лодзи прадед сблизился с людьми левых взглядов. Во всяком случае социал-демократ К.Э. Гейнрих, издатель саратовского журнала «Карандаш», где Борис Марков дебютировал в 1906 году как литератор, до этого тоже жил в Лодзи.

«Карандаш» был запрещён властями из-за сатиры на Столыпина, Гейнрих подвергся судебному преследованию и скрылся. А прадед, верный принципам народничества… обвенчался 18-ти лет с Ксенией Ломоносовой, мещаночкой, практичной, умной девушкой из народа. До начала Первой Мировой войны у них родились трое сыновей (Боренька, умерший в детстве, Кесарь, Олег) и дочь Галина (моя, в будущем, бабушка).

С ноября 1912 года Б.П. Марков начал издавать свою собственную газету. Отец семейства к 25 годам, он видел «Саратовское утро» леволиберальной, но очевидно более умеренной, чем «Карандаш» Гейнриха. Перепечатка российских и международных политических новостей, криминальная хроника, рекламные объявления и фрагменты литературных произведений, публиковавшиеся с продолжением, составили основу редакционного портфеля.

Однако привлекает внимание рубрика «Блок-нотъ», в которой ежедневно освещались саратовские курьёзы и выходили фельетоны на злобу дня. Под разными псевдонимами (Бэм, Бомар и др.) Борис Марков вёл эту рубрику сам. В пылких, нередко второпях написанных миниатюрах прадедушка клеймил антисанитарию, обрушивался на отсталость коммунального хозяйства, отчаивался из-за системы образования и медицины, оплакивал состояние общественного транспорта:

Центр культуры, город Саратов!
Тебе приношу свою хвалу!

У тебя прибавится в скором времени ещё два высших учебных заведения:
Высшие сельскохозяйственные курсы и Учительский институт.
А ты по-прежнему будешь всё той же милой русской деревушкой, давно воспетым Пошехоньем. Всё с теми же нечищеными тротуарами, мигающими электрическими фонарями, с вечно спящими гласными и трамваем, который, не служа тебе, заставляет тебя служить ему…

О, великая культура,
как смешно воплощаешься ты в Саратове!

Сатире прадед отвёл отдельную площадку: помимо газеты, той же зимой 1912–1913 годов он взялся издавать и «Наш журнал», художественный альманах (с иллюстрациями).

Цивилизатор, Просветитель, Посланец Великой Европейской Культуры – вот в чём усматривал свою миссию начинающий издатель. За позой «разгневанного обывателя» пряталось глубоко личное: усталость от работы, принесшей больше хлопот, чем денег, искреннее возмущение из-за жестокости к животным, боль за них… А то и просто улыбка при виде уличной сценки или мальчишеская обида, что «прессу» не пустили в театр (как смели не пропустить без билета!).

Город на Волге отказывался равняться на Запад, и Бэм иронизировал над собой, всё чаще подозревая себя в донкихотстве. Борису, из Лодзи видевшему Россию Европой, не полюбился второй её, «азиатский», профиль.

———

Да, и *любви* – к животным, к природе, но не только: к музыке и к культуре Польши, к свободолюбию её народа, – посвящён рассказ «Тубу». Принятый в известный столичный журнал, рассказ этот знаменовал успех провинциального журналиста, возможно, даже новый этап в его жизни (подозреваю, что среди опубликованных в его изданиях под псевдонимами были отрывки прозы и самого Бориса, так что, конечно, в 1913 году прадед мечтал о будущности беллетриста)!

…Новый этап, которому не суждено было осуществиться: Владимир Нарбут, заметивший талант Б. Ориса, продал журнал (который после скандала с этой продажей тотчас сменил направление), у Марковых родился младший сын… Началась Первая Мировая, годы которой семья переживала трудно, как и годы Гражданской войны (сколько всего выпало на долю того поколения!).

Что-то переменилось за это время в образе мыслей прадеда, – он никогда больше не писал. Думается, решил посвятить зрелые годы *делу* – строительства Лучшей Жизни. Приехав с женой и детьми на сей раз в «большую деревню», осенью 1917 года он поселился на окраине Москвы, в квартире дома с печным отоплением и «удобствами на дворе». Там и остался до конца жизни.

Идеалист и бессеребреник, прадед не переменил квартиры, даже заведуя в 1920-е годы подотделами МОЗО Моссовета (Приписных хозяйств и, позже, Московского земельного имущества). В этом качестве, вероятно, Борис Петрович участвовал в подготовке первой Сельскохозяйственной и кустарной выставки на территории будущего ЦПКО им. Горького (что вкусно так была описана М. Булгаковым в очерке «Золотистый город»!).

Семейная память – штрихами, намёками – донесла до нас разочарование Марковых в советской действительности конца 20-х, а может быть, и в собственных юношеских дерзаниях, недаром «Белеет парус одинокий!..», // Но не ищи ни бурь, ни гроз» напишет Б.П. Марков в альбом 15-летней дочери. В 1927-м году Ксения Петровна сложила полномочия члена Моссовета «от домохозяек», Борис Петрович освободил место заведующего. Не с этих ли пор скрывал дворянство отца?

Могу только предположить, что среди прочего перемены стали отголоском разгрома «левой оппозиции», снятия Каменева с поста председателя Исполкома Моссовета и «кадровой чистки» там. В 1933-м, оформляя первый советский паспорт, прадед укажет скромную должность: «агроном» в системе Наркомзема.

В 1938 году Б.П. Марков – внештатный консультант Выставкома Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки (видимо, как одного из специалистов с опытом организации той, прежней, прадеда пригласили, когда открытие выставки забуксовало). В 1939-м – старший методист и временно исполняющий обязанности директора павильона «Виноградарство и виноделие» ВСХВ.

Смотрю на старое фото: в садах белеет изящная постройка, ажурные решётки террас – сплошь в розовых плетях и лозах винограда… ВСХВ, кажется, оставалась местом работы Б.П. Маркова все годы войны: одна из внучек вспоминает, как, маленькую, дедушка водит её по саду, показывая «сливки» и кусты смородины.

Светлана Лютова